

А. Широкова. Очерк грамматики чешского языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. 191 стр.

Не вызывает сомнений тот факт, что знакомство русистов с зарубежными славянскими языками очень важно в практическом и научном отношении. Изучение любого славянского языка дает неизмеримо больше результаты, если исследователь имеет возможность сравнивать явления родного языка с показателями родственных славянских языков. Вместе с тем укрепление экономических и культурных связей Советского Союза с Польшей, Чехословакией, Болгарией и Югославией связано со все возрастающим интересом советских людей к языку, культуре и истории народов названных стран. К сожалению, в имевшихся до сих пор пособиях по зарубежным славянским языкам грамматический строй их описан неполно, переводные же работы, не учитывающие фактов русского языка, полезны для справок, но не могут заменить отечественных грамматик славянских языков.

«Очерк грамматики чешского языка», созданный А. Г. Широковой в процессе преподавания этого языка на филологическом факультете МГУ, должен сыграть важную роль в деле повышения уровня филологической подготовки студентов, изучающих русский язык. Как указано в редакционном предисловии, «Очерк» представляет собой первый в нашей учебной литературе опыт изложения основ грамматического строя чешского языка. Он предназначен для студентов филологических факультетов, а также для лиц, желающих практически и теоретически познакомиться с современным чешским языком». Далее в предисловии отмечается важная в методическом отношении особенность книги: «Изложение материала строится автором на сопоставлении фактов русского и чешского языков».

«Очерк» состоит, в основном, из двух больших разделов: фонетики и морфологии с элементами синтаксиса современного чешского языка. Разделу фонетики предпослана таблица чешского алфавита с указанием названий чешских букв и их русского произношения, а также краткие, но ясные сведения по графике и орфографии чешского языка (стр. 5—6).

Раздел «Фонетика» (стр. 7—35) занимает одну пятую часть очерка. Он включает прежде всего главу «Звуковой состав чешского языка», в которой описана система гласных, дана характеристика неслоговых *i* и *u*, слоговых плавных *ri* и *li*, приводится система согласных с характеристикой их соотношения по звонкости и глухости, твердости и мягкости. В главе «Ударение. Интонация» описано чешское слоудоударение, сделаны некоторые замечания о фразовой интонации энклитик и проклитик в потоке речи. В главе, названной «Произношение», описано чешское придыхание, даны указания о произношении различных групп согласных, согласных в исходе слова, описаны важнейшие явления межсловной фонетики и произношение иностранных слов. Завершает этот раздел глава «О некоторых звуковых особенностях чешского языка», посвященная по преимуществу описанию непозиционных чередований гласных и согласных. Наряду с чередованиями дана характеристика явлений так называемой перегласовки гласных и их стяжения. В отдельном параграфе проведено сопоставление русских полновласных сочетаний с соответствующими фактами чешского языка.

В разделе «Морфология» представлено восемь глав в соответствии с частями речи, которых касается автор, а именно: «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Местоимение», «Имя числительное», «Глагол», «Наречие», «Предлоги», «Союзы».

Как отмечалось, рецензируемая книга имеет практическую направленность и предполагает у читателя знакомство с основами языкознания (по крайней мере, с курсом введения в языкознание и современного русского языка). Вследствие этого автор намеренно исключил из своего изложения такие вопросы, как характеристика частей речи в чешском языке, определение грамматических категорий, упоминаемых в книге; в разделе фонетики нет, например, определения понятия фонемы, нет описания строения органов речи и физиологии образования звуков, не излагается вопрос о структуре слога и слогоразделе; в разделе морфологии не дано определения предмета грамматики и, в частности, морфологии, нет описания основных значений падежных форм и их употреблений и т. п.

Нам представляется, что подобный характер изложения оправдан и не вызовет затруднений у пользующихся книгой, в особенности если учесть, что все основные отличия грамматической системы чешского языка от русской в соответствующих местах отмечаются и разъясняются. Однако можно упрекнуть автора в том, что он иногда слишком краток при изложении важных, но не имеющих однозначного решения вопросов. Так, на стр. 10 отмечается, что «дифтонг *ou*, чередуясь с *u* в одних и тех же корнях, образует особую фонему: *sud* „бочка“ и *soudek* „бочонок“». Между тем вопрос о фонематическом значении дифтонгов этого типа весьма сложен. Чешские фонологи иногда подразделяют дифтонги на однофонемные и двухфонемные. Во втором случае дифтонг складывается из сочетания двух фонем, которые в языке встречаются также самостоятельно. Со времени появления работы И. Вахэка «Über die phonologische Interpretation der Diphthonge» (1933 г.) было несколько весьма противоречивых высказы-

ний на эту тему. Естественно, что автор должен был подвергнуть этот случай более подробному анализу. На стр. 88 говорится: «Изменение семантики и появление новых синтаксических связей способствует обособлению кратких прилагательных от категории имени прилагательного и переходу их в категорию состояния». В дальнейшем изложении автор к этому вопросу не возвращается. Между тем замечания по важному в теоретическом отношении вопросу о категории состояния в чешском языке были бы интересны для русского читателя.

Непонятно также отношение автора к словообразованию. Словообразовательные возможности частей речи в книге не освещаются, кроме случаев видовой соотносительности глаголов. Очевидно, что отсутствие этого раздела снижает ценность книги и не является мотивированным. Наиболее отчетливо этот недостаток сказывается в главе о чередованиях (см. ниже), но и при изложении отдельных частей речи в чешском языке хотелось бы видеть замечания хотя бы о наиболее продуктивных типах словообразования, тем более, что в последнее время в нашей литературе рассмотрение вопросов словообразования проводится в тесной связи с описанием морфологической структуры языка [ср. в этом плане академическую «Граматику русского языка» (т. I) и курс «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ]. Даже в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (Учпедгиз, 1945), к которому рассматриваемая работа более всего приближается по своему типу, имеются небольшие главы, посвященные словообразованию.

Перейдем к замечаниям более частного характера. В предисловии «От редакции» приведены некоторые весьма краткие сведения по истории развития чешского языка. Они не могут удовлетворить читателя, который ожидал бы более подробных данных о территории, занимаемой носителями чешского языка, о числе говорящих на этом языке, о месте чешского языка среди других славянских, о виднейших писателях, развивавших литературный язык в XIX и XX вв. В данном типе учебного пособия подобные сведения не только желательны — они просто необходимы. В свою очередь глава о взаимоотношении чешского литературного языка и народно-разговорной речи. Исключенная почему-то издательством, помогла бы читателю более сознательно отнестись к замечаниям автора, приводимым петитом во всех разделах книги [эта глава напечатана автором во втором выпуске «Славянской филологии» под названием «К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью», стр. 3—37 (изд. МГУ, 1954)].

Раздел фонетики вызывает следующие замечания:

1. В методическом плане является недостатком отсутствие указания на непустотность редукции чешских гласных, которая наличествует в русском языке. В этом пункте автор отошел от своего обещания систематически сопоставлять факты чешского языка с русскими, он указывает лишь, что «краткие гласные чешского языка по своему образованию близки соответствующим гласным русского языка» (стр. 8).

2. При описании звука *e* (стр. 8) более ясно следовало бы сказать, что начальное *e* произносится без йотации. Для читателя это имеет значение.

3. *a* (краткое), вопреки утверждению автора, встречается не только в заимствованиях, но и в ряде исконно чешских служебных слов: *aby, asi, ale, ani, aspoň, avšak, až, adkoliv* и т. д. (стр. 9).

4. Чтобы ярче показать фонематическое свойство дифтонга *ou*, нужны более показательные примеры (ср. *šud* «бочка» и *šoud* «суд»). Примеры на стр. 10 относятся не к этой «сильной» позиции, а к словообразовательным и словоизменительным категориям.

5. Обозначение звука *g* не отмечено в разделе графики и орфографии, нередко для него используются знаки из разных гарнитур (стр. 11).

6. Формы инфинитива приводятся с окончаниями *-ti* и *-t*: *jistiti* «утверждать» (стр. 6) и *koupat* «купать» (стр. 9). Необходимо до соответствующих разъяснений употребить одну форму.

7. При характеристике твердых и мягких согласных на стр. 12 не отмечено положение *l* и *ř*.

8. В таблице согласных на стр. 12 слитные *s, š, ř* отнесены по небрежности к сонорным; не все примеры даны в переводе: понятные слова переводятся, а такое слово, как *omáčka* «соус», оставлено без перевода (стр. 9); не вполне выдержана система подачи материала петитом.

9. Неудачным является название одной из глав «Произношение», так как все предшествующее изложение тоже касалось произношения звуков.

Несмотря на отмеченные погрешности, изложение фонетики живое и целеустремленное. Оно вполне удовлетворяет поставленной задаче — ознакомить русского читателя с звуковым составом современного чешского языка.

Это впечатление изменится, когда знакомишься с главой, посвященной звуковым чередованиям, которая производит впечатление каталога разнородных фактов. Не приходится говорить о том, что в настоящее время большая часть разбираемых здесь типов чередований характеризует определенные словообразовательные типы и по су-

шеству должна рассматриваться в разделе морфологии. Сам автор отмечает, что указанные типы чередований «мы находим в различных частях речи» (стр. 32). Рассмотрение чередований в связи со словообразованием или выделение хотя бы важнейших чередований, приобретших морфологическую значимость, оживило бы изложение и сделало бы его более научным.

Уже было отмечено, что в книге нет особой главы, посвященной лексико-грамматической характеристике частей речи чешского языка; автор сразу начинает описание отдельных частей речи.

В главе о существительном следует отметить некоторые не вполне удачные формулировки. На стр. 36 говорится, что «существительные в чешском языке, как и в русском языке, различаются (разрядка наша. — Н. К.) по родам: мужской, женский и средний». Правильнее было бы говорить о принадлежности имен существительных к одному из трех родов. Далее утверждается, что «к существительным мужского рода относятся существительные, оканчивающиеся в им. пад. ед. числа на твердый или мягкий согласный в основе». Здесь слово «оканчивающиеся» неточно: лучше говорить об отсутствии окончания и основе на согласный. Относительно звательной формы следовало бы сказать, что она отсутствует у имен существительных среднего рода и во множественном числе, тогда не было бы нужды вводить в соответствующие парадигмы несуществующую форму.

На стр. 38 отмечается, что «к существительным твердой разновидности относятся существительные с твердым согласным основы», а в качестве первого примера неправильно указано слово *stůl*, хотя в дальнейшем говорится о колебаниях в склонении имен на *-l*. На стр. 40 говорится об отсутствии категории одушевленности в чешском языке для существительных женского и среднего рода (множественного числа), но не указано, что это относится и к существительным мужского рода (винительный падеж множественного числа). На стр. 43 об этом явлении упоминается, но уже без сопоставления с русским языком.

Автор, отступая от чешской грамматической традиции, идущей от грамматик Гебауера и его продолжателей, в качестве образцов склонения взял не обычные *chlap*, *dub*, *orač*, *sluha* и т. п., а освежил примеры, остановившись на таких словах, как *pán*, *muž*, *hrdina*, *zahrada* и т. д. Чешские авторы в последнее время поступают так же, заменяя традиционные образцы более актуальными словами *stroj*, *stavení*, *předseda* и др.¹ Это вполне закономерно. Однако некоторые слова, взятые за образец, склоняются нерегулярно: так, слово *pán* в звательной форме единственного числа представляет исключение — краткость гласного основы *pane!*, а образец *píseň* содержит беглый гласный. Кроме того, было бы нагляднее и логичнее, если бы слова, взятые в качестве образцов склонения, фигурировали бы и в перечне склонений на стр. 36—37.

Можно еще указать, что на стр. 42 при склонении слова *Leningrad* — *Leningradu* дано неверное пояснение: (из *hrad*). В историческом плане здесь обратное соотношение. Правильнее было бы сказать, что слово *Leningrad* склоняется как *hrad*. На стр. 38 неправомерно употребляется термин «доисторический» в значении праславянский, общеславянский. В целом глава о существительном дает хорошее представление о его современной структуре в чешском языке.

Несколько поправок и замечаний к другим именным частям речи (особенно местоимениям):

1. На стр. 98 неудачно сказано о возвратном местоимении *se*: «Характерной особенностью всех личных местоимений, а также местоимения *se* является то, что в форме именительного падежа они имеют другую основу, отличную от основы прочих падежей». Как известно, возвратное местоимение не имеет формы именительного падежа.

2. На стр. 98 пункты 2 и 3 нужно поменять местами.

3. В таблице на стр. 99 в родительном падеже единственного числа мужского рода не указана энклитическая форма *ho*.

4. На стр. 100 после пункта 3 идет 5. Где же 4?

5. На стр. 105 (п. 3) следовало бы сказать о выражении принадлежности 3-му лицу мужского и среднего рода (формы *jeho*, *jejich*).

В главе, посвященной глаголу, принципиально новой является предложенная автором в 1948 г. классификация чешского глагола², которая строится на основе форм 1-го лица единственного числа настоящего времени и приводит к делению глаголов на три класса с последующим подразделением — путем сопоставления основы настоящего времени с основой прошедшего времени — на более мелкие подгруппы.

¹ Ср. В. Havránek, A. Jedlička, Česká mluvnice. Základní jazyková příručka, Praha, 1951; «Cvičebnice jazyka českého pro I. třídu gymnasia a vyšší odborné školy», [2-е изд.], Praha, 1952.

² См. А. Г. Ширкова, К вопросу о классификации чешского глагола, «Вестник Моск. ун-та», 1948, № 4.

Для русских, изучающих чешский язык, это является правильным и удобным в практическом отношении. Целесообразность применения этой классификации при обучении в чешской школе и замена шести- или пятичленной классификации по форме 3-го лица единственного числа настоящего времени требует отдельного обсуждения.

Книга издана хорошо (если не считать аляповатой обложки); число замеченных опечаток невелико: стр. 12: *džban* «кувшин» — следует *džbán*; стр. 64: *káčhlě* «утонок» — следует *kachlě*; стр. 85: *ich* — следует *jist*; стр. 100: «форма *ho* употребляется в безударном предложении» — следует «положения»; стр. 104: *vaš* — следует *váš*; стр. 106: *žíst* — следует *žísti*.

Остановимся также на вопросе, в какой степени элементы синтаксиса должны сопровождать изложение морфологической структуры такого флективного языка, как чешский. Функционирование слова в составе словосочетания и предикативных единиц — предмет синтаксиса. В разбираемом пособии необходимость синтаксической точки зрения диктуется задачей сопоставления фактов двух родственных языков. В подавляющем большинстве случаев этот принцип и осуществлен. Однако при изложении условного наклонения не подчеркнуто принципиальное отличие чешских конструкций с формой прошедшего времени от русских с инфинитивом (*я пришел, чтобы взять — přišel jsem, abych vzal*). Не рассмотрены случаи употребления одного времени вместо другого и вообще значение временных форм. Перед автором, несомненно, возникали трудности, вызванные неразработанностью вопросов сравнительного синтаксиса; например, как излагать значения падежных форм в сопоставительном плане, в каких формах и объеме вести сопоставление чешского и русского глагольного управления и т. п.

Несмотря на все отмеченные недостатки, можно сделать вывод, что «Очерк грамматики чешского языка», являющийся первым и пока единственным не только в нашей учебной, но и научной литературе, написан со знанием дела, на уровне современных научных знаний и уже приносит пользу в учебном процессе.

В заключение укажем, что соответствующий сектор Института славяноведения АН СССР, сосредоточивший свое внимание на составлении очерка грамматики болгарского языка, диалектологического атласа болгарских говоров на территории СССР и на важных, но частных проблемах сравнительной грамматики славянских языков, до сих пор не дал работ по грамматическому строю и словарному составу славянских языков, которых ожидают советские языковеды. Заинтересованные издательства также мало работают над подготовкой книг, подобных рецензируемому труду.

Н. А. Кондрашов